

Из цикла «Рассказы о чудесном»

В театре

Мы с Артуром жили в театре.

Ах, какое это было благословенное время! Дело происходило на большой ударной стройке, последней комсомольской стройке в истории СССР. Будущее строили все, кроме нас, хотя у нас тоже были «корочки» плотников-бетонщиков третьего – начального – разряда. Мы не работали, свято полагая, что рыть траншеи и укладывать бетон или класть кирпичи, получая за это увесистый рубль, - на это энтузиастов найдется. За тем они сюда и приезжают, в маленький сибирский городок. Мы же – выше всего этого. Если выразаться образно, как положено в художественной прозе, мы глубже траншей и сложнее бетона. Мы – структура неоднородная, материя тонкая, нам творчества подавай, подавай нам театр, поэзию – словом, даешь высокое искусство! Мы ему станем служить. А насущное... ну, что ж: есть, кому о нас позаботиться. Городок был тогда городом общежитий, общаг, в общагах жили наши поклонницы. Они кормили. У Артура поклонниц было больше. Еще бы: высокий, голубоглазый, кудрявый, с чувственным ртом, взор с поволокой, цитирующий наизусть Блока, Мандельштама, умеющий сыграть, дать идею режиссеру, в конце концов – сам поставит спектакль... талант, чего там! И стихи писал – странные, туманные, прибалтийские... В общем, он – в авангарде, я – сбоку припека, в хвосте. Свита. Незнамов и Шмага. Мы так и играли в отрывке по Островскому: он Незнамова, я Шмагу. И реплика: «Мы – артисты, наше место – в буфете!» - стала для нас коронной, долго вела нас по жизни. В общем, его кормили и привечали за талант, меня – как его, таланта, друга. «Альфонсизм в чистом виде!» - смеялся Артур, когда мы оставались одни. Нас не смущало, что жили альфонсами. Правда, Артур еще подрабатывал некоторое время тем, что раз в неделю разносил телеграммы на почте. Этого «заработка» нам хватало на чай и сахар.

В театре мы стали ночевать, когда больше было негде. Общаги давали только тем, кто трудился на стройке. Театр этот мы строили сами, своими руками. Режиссер, дама наших лет, по-актерски экзальтированная, по-деловому пробивная, добилась в профкоме выделения под театр красного уголка в одном из общежитий. Помещение дали, материалов – нет. Мы ночью тайком воровали стройматериал на ближайших строительных площадках, таскали на себе бревна, доски для строительства сцены, купили на выделенные скудные профсоюзные деньги рулон мешковины – и обили ею все стены. Из мешковины же сделали задник, занавес, арлекин. Вышло по-мейерхольдовски вызывающе и стильно – так нам, по крайней мере, казалось.

Костюмы тоже шили сами – не мы с Артуром, конечно: девушки. Этих костюмов, плащей разных было в театре много – на них мы и спали. Сдвигали стулья, сооружали широкое ложе, стелили плащи и ими же укрывались. Тьма в театре стояла непроглядная – окна мы закрыли щитами, свет снаружи не проникал, - и утро для нас наступало всегда по-разному. Мы вставали, шли в общий санузел умываться, в буфете покупали себе какие-нибудь булочки на деньги, которыми нас спонсировали наши сердобольные поклонницы, - и день начинался. Были репетиции, обсуждения, мы просто шлялись по городу, ходили на озеро купаться... Богема, словом.

Вечером после спектакля или репетиции все уходило, а мы оставались. Писали что-то, читали друг другу или тем, кто хотел нас слушать. Выпендривались, искали необычные формы, экспериментировали. Я однажды сочинил маленькую поэму – по содержанию она была насквозь советская, ударная, комсомольская, по форме – необычная: в ней рифмовались первый слог последующей строки с последним слогом – предыдущей. Артур одобрил, сказал: «Растешь в исканиях!» Он относился ко мне

покровительственно – я соглашался. Мне казалось, он талантливее меня и пойдет дальше. Что касается таланта – так оно, наверное, и было, а вот со вторым... но не стану забегать вперед.

Однажды случилось вот что.

В театре был проигрыватель, и наши доброжелатели натаскали нам груды пластинок. Было там много всякой ерунды, но случались и действительно хорошие записи. Однажды, перебирая пластинки, Артур вдруг охнул:

- Йохайды!.. – он ругнулся по-прибалтийски, повернулся ко мне – огромные голубые глазищи сверкали восторгом и каким-то особым волнением. – Моцарт, «Реквием»! И дирижер – Мравинский! И царапин совсем нет, как новенькая. Откуда?!

Я не знал. Я не помнил, чтобы кто-то принес эту пластинку.

Артур вдруг почему-то разволновался. Он ходил по залу, двигая стулья, садился, закуривал, что-то бормотал бессвязное, как будто вспоминал. Я смотрел на него с тревогой.

- Что такое, Артур? Почему на тебя так подействовала эта пластинка?

Он посмотрел на меня рассеянно и странно.

- Я не знаю, рассказывать ли тебе... Давай сначала послушаем.

Он бережно поставил пластинку на диск проигрывателя, опустил иглу.

Музыка была действительно прекрасной – и голоса, и оркестр. Но что творилось с Артуром, пока звучала пластинка!.. Он бесконечно курил, закрывал глаза, дирижировал рукой в такт – и плакал. По щекам его непрерывно катились слезы, он даже не думал их утирать. Когда закончилась одна сторона, он только посмотрел на меня умоляюще – я перевернул пластинку. И снова – слезы и бессвязное бормотание... В этот момент я всерьез забеспокоился – не сошел ли мой друг с ума. Искусство, случается, и не такое свершает... Нет, он был вполне нормален. Когда музыка кончилась, он открыл глаза, вытер слезы, посмотрел на меня просветленно.

- Какая музыка!.. Ничего не понимаешь, конечно? Ладно. У тебя еще остались какие-нибудь деньги?

Я молча выгреб из кармана все, что было. Он посчитал, вернул часть:

- На портвейн хватит. На остатки закуски купи в буфете. Я сейчас.

Вот это было посильнее «Реквиема» Моцарта. Дело в том, что в тот период мы с ним не пили. Совсем. Даже в праздники старались как-то обходиться. Считали, что алкоголь дурно влияет на творческую потенцию. О другой потенции мы в то время еще не заботились, с ней все было в порядке. Пока Артур бегал в ближайший магазин за портвейном, я вышел в буфет, купил скудной закуски. И приготовился услышать что-то необычное.

И услышал.

Артуру на удивление хватило не на портвейн – он вернулся с бутылкой водки и банкой рыбных консервов.

- Земляка встретил, перехватил у него, - объяснил он. - Давай, наливай.

После первой в голове с отвычки зашумело. Зато мир в одно мгновение стал еще прекраснее.

- Давай сразу по второй, и расскажу тебе...

Закусив, Артур закурил, посмотрел задумчиво на сигарету и стал рассказывать.

В Латвии, откуда он приехал, была у него, оказывается, жена. Они поженились совсем молодыми, она была из богатой семьи, он, в общем, тоже не бедствовал, мама – заслуженный врач республики, известный человек. Жили в отдельной квартире, все у них складывалось хорошо. Жена профессионально занималась музыкой, пела в опере, ей обещали большое будущее, ее сопрано замечали на многочисленных конкурсах. Однажды они с женой поехали в Ленинград – просто так поехали, отдохнуть, на выходные. Взяли напрокат лодку – покататься по Финскому заливу. Отгребли довольно далеко от берега, налетел ветер, лодка черпнула воды, жена испугалась, вскочила и, не удержав равновесия,

упала за борт. Плавать она не умела... Артуру, прекрасному пловцу, удалось ее спасти, но к тому времени она уже успела нахлебаться воды, потеряла сознание. Пока он греб до берега, пока с лодочной станции вызывали «скорую», все это время она была без памяти...

- Она выжила. Но память к ней так и не вернулась, - Артур смахнул слезу. – Наливай давай.

Я плеснул, мы снова выпили.

- Она так и живет теперь в Лиенае, у своих родителей. Как растение... Ничего не помнит, никого не узнает. Вот уж сколько лет... «Реквием» Моцарта – наше любимое. Она исполняла там партию сопрано. Я был на премьере – это было потрясающе!

Мы долго еще сидели, водка все как-то не хотела кончаться. То ли с непривычки, то ли от волнующего рассказа, я очень скоро захмелел. Артур, впрочем, тоже. Мы все-таки допили, он еще повздыхал, поплакал, потом кое-как постелили на стульях. Перед сном он снял пластинку с проигрывателя, бережно упаковал ее в конверт, спрятал.

На ночь мы оставляли свет в будке осветителя – вместо ночника. Там горела тусклая лампочка, это позволяло в случае, если приспичило, пробираться ночью на выход не совсем на ощупь: туалет располагался в общем коридоре.

Среди ночи я проснулся, как будто меня ударили. Мощный хор пел:

- Domine Jesu Christe, Rex gloriae,
Libera animas omnium fidelium defunctorum
De poenis inferni et de profundo lacu...
Господи Иисус Христос, Царь славы,
Освободи души всех верных усопших
От мук ада и бездонного озера...

Ничего не поняв спросонья, я подскочил на постели. Тусклая лампочка в будке осветителя мне показалась зловещей. Артур спал, беспокойно раскинувшись и постанывая во сне. На диске проигрывателя крутился «Реквием» Моцарта. В ночной тишине звук казался очень громким, пение – особенно прекрасным и внушительным. Я растолкал Артура.

- Зачем ты включил музыку? Ночь ведь.

Он дико на меня посмотрел.

- С ума сошел? Ничего я не включал.

Мы уставились друг на друга. Музыка между тем продолжала звучать. Вдруг Артур вскочил.

- Ты слышишь, что они поют? «Да светит им вечный свет, Господи, Со святыми Твоими вечно, ибо Ты любвеобилен. Покой вечный даруй им, Господи, И вечный свет да светит им»...

Мне и в голову не могло прийти, что мой друг так свободно может переводить с латыни.

- Ты слышишь? Боже... Она умерла...

Артур сполз с постели, встал на колени, обхватил голову руками – и завыл, раскачиваясь.

И вот тогда я испугался по-настоящему. Только теперь я осознал окончательно, что музыка заиграла сама собой, хотя я помнил ясно, что Артур упаковал пластинку перед сном. Но еще сильнее напугало меня то, как он выл и раскачивался. Ничего страшнее этого я, кажется, не видел ни раньше, ни после. И я не знал, что мне делать. В нашем маленьком городе тех времен вызвать среди ночи «скорую» было целым делом: телефон по ночам в общежитии вахтеры отключали, а бежать до больницы было далеко.

Все, однако, разрешилось очень скоро. Артур перестал выть и раскачиваться так же внезапно, как начал. Он поднялся с колен, посмотрел на меня мутным взглядом. Потом подошел к проигрывателю, снял пластинку, убрал ее в конверт. Водки у нас не осталось, но я сделал крепкий чай, почти чифир, налил ему. Он выпил глоток, закурил, снова

взглянул на меня внимательно. Глаза обрели привычную голубизну, взгляд – осмысленность.

- Я не знаю, ЧТО это было, - медленно произнес Артур. – Я только знаю, что ОНА – умерла.

...Весь следующий день он разносил телеграммы на почте. А вечером пришел в театр – репетиций в этот вечер не было, - молча сунул мне казенный бланк. «Сонечка умерла. Похороны...» - дальше я и читать не стал.

- Вот видишь, - устало сказал Артур, лег на стулья и отвернулся.

В тот же день из театра мы перебрались к нашему приятелю-художнику в служебный вагончик, служивший ему и мастерской, и жильем. Ночевать дальше в театре было невыносимо.

Потом наши с Артуром пути разошлись. Я занялся журналистикой, скоро получил приглашение в престижную газету в большом городе, переехал, стал понемногу писать новую страницу биографии. Писал с ошибками, многое приходилось потом перебеливать – все же что-то вышло. Мог бы сейчас для художественной цельности соврать, что Артур стал известным поэтом, или артистом, или даже режиссером... Ничего этого не случилось, увы. Он что-то пишет и теперь изредка, но этого не видит, кажется, даже его жена Юля. Почему? Я не знаю. Я только догадываюсь – почему.

...Много лет спустя я случайно узнал, что никакой первой жены у Артура не было. То есть она была, но очень недолго и совсем неофициально: они не расписывались. Когда он уехал строить светлое будущее для других, их отношения сами собой прекратились. Она вскоре вышла замуж, вполне благополучна, живет в Риге, воспитывает детей. Она, конечно, не умирала, ни на какой лодке по Финскому заливу в Питере они не катались, она не тонула, и он ее не спасал. И с ума она не сходила, памяти не теряла. Вся история была ложью, выдумкой, от первого до последнего слова. Кроме одной детали: она действительно пела, и ей правда сулили большое будущее. Не случилось.

Узнал я это от настоящей жены Артура Юли, давней и теперь уж, наверное, вечной его спутницы, с которой вырастили они хорошего сына – крупного, самостоятельного, уверенного в себе и будущем. Хотел назвать Юлю «его несчастной женой» - но какое же тут несчастье, если уже тридцать лет с лишним она, безропотно или ропща, но смиряясь, принимает все, что он ей подносит – «и радости, и муки»? Судьба, какое тут несчастье...

- Как же телеграмма? Он же показывал мне... – спросил я Юлю, хотя уже понимал – как.

Она пожала плечами.

- Очень просто. Надергал слов из чужих телеграмм, наклеил на бланк – вот тебе и телеграмма. Ты же не читал внимательно – откуда, кем отправлена? Ну, вот...

Артур был большой выдумщик – кажется, таким и остался. Он всю жизнь играл, играет и теперь, постаревший, седой, близорукий, почти лысый великий актер домашнего театра. Раньше ему верили, потом кричали по-станиславски: «Не верим!», - теперь уже никто не верит и не кричит. Пусть играет. Чем бы дитя ни тешилось – лишь бы жило, пусть даже на радость одному себе. В конце концов, и это – зрелище.

И как ни странно, он и сегодня остался моим другом.

А ему хватает. Хватает мимолетного внимания, случайной работы ненадолго – долго он нигде не задерживается, не может, и не потому, что пьет – просто не может подолгу делать одно и то же. В театре ли, на стройке – все равно. Только вот из города этого крошечного вырваться никак не может. Не хочет, что там – «не может»...

И ангел его хранит. С ним все время что-то приключается. То бадья с раствором, сорвавшись с крюка, пролетела буквально в миллиметре от него, стоящего на стене из бетонных блоков на высоте трех метров, если бы задела (две тонны!) – звучал бы не Моцарт – Шопен, и не как воспоминание, а как напутствие. Впрочем, задела ведь: только когда спустился, бригадир, с лицом блее извести, подошел и пальцем оттопырил вырванный клоч на рукаве робы. «Ни царапины, подумать!..» - и выматерился виртуозно.

То перила лестничной клетки в строящемся доме под рукой вдруг уходят, и он летит вниз головой с высоты второго этажа на бетонный пол, а все, кто вышел вместе с ним покурить на площадку, обмирают и боятся подойти к краю: какое удовольствие – смотреть на того, кто только что был жив, сипло травил анекдоты и смеялся вместе со всеми? А он сидит внизу на заднице, ошалело вертит неповрежденной башкой и машинально докуривает чудом уцелевшую сигарету.

В театре только с ним никогда ничего плохого не происходило. Театр для него – святое.

...Но «Реквием» - его-то я помню точно! Пластинка звучала, крутилась сама по себе – как это?! Кому звучал «Реквием»? Кому вослед печально глядел великий Моцарт? Кому пророчил, если оба мы – живы, и каждый по-своему счастлив? Отпевал ли он нашу бесшабашную, бездумную, беспардонную молодость, нашу доморощенную богему, наши бессовестные скитания по казенным общаговским душевым и чужим постелям? Кого, что он отпевал?

Я из маленького городка уехал в краевой центр, у меня не сразу, но как-то в конце концов все сложилось – и в журналистской профессии, которая худо-бедно кормит, и с литературой отношения в конце концов налаживаются, меня начали печатать и даже приняли в творческий союз, и в семье все хорошо. Артур остался там, где мы были с ним вместе: в прошлом. Когда я приезжаю к нему или к другим (мало осталось друзей, мало...) в маленький городок, я испытываю разные чувства. Сильнее всех – одно: ЕГО, ИХ настоящее – мое прошлое. Иногда невыносимо зудит внутри – так хочется в это прошлое, обратно, жить так, как сегодня живет Артур. Это, конечно, театр, но почему-то в его театре меньше условностей, чем в моей – настоящей, сложившейся жизни. Так хочется!..

Только делать-то там, в этом прошлом, нечего.

Прошлое – оно прошлое и есть.

И реквием по нему – отзвучал.

15.03.2015